

Е.А. Багрин (Владивосток)

ТАКТИКА ВЕДЕНИЯ БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ РУССКИМИ СЛУЖИЛЫМИ ЛЮДЬМИ В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В 40–60 ГОДАХ XVII ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ ПРИБАЙКАЛЬЯ И ПРИАМУРЬЯ)

В настоящее время вопросам тактики ведения боевых действий русскими первопроходцами в Сибири посвящено крайне мало специальных исследований. А.С. Зуев первым обозначил данную проблему и на основе материалов Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв. выделил как общие черты ведения войны русскими сибиряками, так и частные методы, характерные именно для исследованного им региона¹. Данная статья посвящена особенностям тактики русских в таких регионах, как Прибайкалье и Приамурье, в первые десятилетия прихода туда первопроходцев и основана на изучении документальных источников.

Тактические приемы ведения войны можно привязать к двум этапам первоначального присоединения новых территорий. Первый этап начинался с прихода русских на неизвестные для них земли и как правило заканчивался постройкой ими укрепленного поселения (острога или зимовья), выполнявшего военно-административные функции. Второй период включал в себя освоение прилегающих к острогу территорий с обоснованием и «приведением под государеву руку» проживающих на ней коренных жителей.

В остроге, из которого предполагался поход, формировался боевой отряд. В него включалось максимально возможное количество бойцов: служилых (основным родом деятельности которых была военная служба государю) и «охочих людей» (добровольцев из числа промышленных, гулящих и торговых людей, воевавших за военную добычу). За счет государства и «предпринимателей», имевших виды на новые земли, участники экспедиции снабжались

индивидуальным вооружением (в первую очередь ручным огнестрельным оружием), боезапасом и провиантом, достаточным для автономного существования отряда более года. Боевая мощь участников похода усиливалась 1–3 пушками, крайне неудобными в транспортировке, но очень эффективными в бою. В отдаленных острогах Сибири артиллерийских орудий было очень мало и они очень ценились, т.к. их бой компенсировал малую численность бойцов. Передвижение осуществлялось на больших и малых судах (струги).

В первую очередь на новых землях захватывались «языки» – носители информации о расположении, численности, вооружении, осведомленности и намерениях возможных противников. Первоначально захват осуществлялся в первых же поселениях туземцев, которые попадались на пути. Языков пытались, стараясь исключить возможность дезинформации. Благодаря полученным сведениям выбирался приоритетный объект для атаки, что позволяло не отвлекаться на второстепенные цели². Позже, когда служилые достаточно хорошо ориентировались в окружающей их обстановке, ими проводились специальные операции по захвату посетителей пушной им информации. Так, в земле дочерев казаками Е. Хабарова в ходе почного нападения были захвачены князьки одного из улусов. Успех, несмотря на тяжелые условия (ночь, незнакомая местность, захват прямо в расположении противника), косвенно говорит о высокой степени боевого умения исполнителей. Перед нападением казаки собирали совет, вероятнее всего, выбирая для задания лучших людей³.

На данном этапе самым важным фактором успеха всего военного предприятия были максимальная быстрота передвижения, которое осуществлялось практически всегда по воде, и эффект внезапности. Первыми целями для нападения оказывались неукрепленные поселения туземцев, живших по берегам рек. Папав утром или в обед на какой-либо улус, служилые уже к вечеру громили другой. В документах видна максимальная динамика их действий: *«наскоре погребли ... , в обеде набежали юрты ... , языков похватали и наскоре распрашивали ... , наскоре погребли ... и под город подгребли того дня под вечер»*⁴. Высокая скорость передвижения достигалась за счет того, что одна часть людей плыла в легких быстроходных стругах, которые искали цель и завязывали бой, а вторая часть – в «больших судах», с провиантом, боезапасом, пушками, лошадьми,

т.е. всем, что отягощало передвижение. Услышав по звуку выстрелов, что первая группа завязала бой, вторая плыла быстрее к месту схватки, подвозя все необходимое. На привезенных лошадях преследовали убежавшего противника⁵.

Мужское население улусов, как правило, истреблялось. Описание этого процесса минимально, составители документов ограничивались определениями: побивали и порубили (или в щель рубили), с преимущественным употреблением последнего, что говорит, скорее, о беспрепятственном уничтожении застигнутого врасплох врага с помощью холодного оружия, чем о ведении какого-либо боя, где ведущая роль отводилась употреблению огнестрельного оружия⁶. Беспрепятственные нападения русских на поселения коренных народностей исследуемых регионов были обусловлены тем, что боевой опыт последних исчерпывался межродовыми конфликтами и противоборством, связанным с кровной мстостью. В поселках отсутствовали укрепления, система четкой караульной службы по причине того, «что они всегда знали, когда идет война». На случай боевых действий ими строились укрепленные городки, достаточно эффективные для обороны, но в мирное время обычно пустовавшие. В случае неожиданного нападения ими могли воспользоваться лишь жители близлежащих селений. Когда у туземцев не было причин ожидать опасности, русские отряды буквально сваливались им как снег на голову. Использование казаками тактики, основой которой было применение огнестрельного оружия, неизвестного коренному населению, также давало им преимущество в бою на первом этапе боестолкновений. Известны случаи, когда даурские воины, «подсмотря» приближение казаков, просто бежали из своих улусов, бросая женщин и детей⁷. Связались с наличием нового противника, туземцы искали эффективный способ противостояния. Ачань при нападении на их поселки оказывали сопротивление, используя свои струги, вытасченные на берег, как оборонительное сооружение, под прикрытием которого можно отбиваться от казаков⁸.

Туземцы же, собравшиеся в укрепленных городках, оказывали сопротивление более эффективно. Самым простым способом оказания противодействия было не дать пристать служилым к берегу. Туземные бойцы выходили из своих укреплений навстречу противнику для открытого боя, стремясь также своей многочисленностью запугать врага. Это говорит о достаточно примитивном

понимании ведения войны большинством представителей коренных жителей до встречи с русскими. Подобные действия туземцев, были казакам как раз на руку: их противник в скученном состоянии оказывался на дистанции беспрепятственного огня из щипалей и пупек и нес большие потери. Более того, на плечах побежавшего врага русские врывались в укрепления. Даже неудачи не приводили к быстрой смене тактики у туземцев; в отписках служилые отмечали, что тунгусы в покоряемой ими местности продолжали биться вышеупомянутым способом «во дни многое время»⁹. Неспособность местного населения адекватно воспринимать опасность приводила к тому, что даже укрепленные городки русским случалось брать без боя. Например, в 1651 г. городок даурских князей Толги и Турончи был взят, когда те, зная о приближении русских, просто безответственно пили со своими людьми в находившемся рядом улусе, не выставив должной охраны, и большинство их людей предпочли просто бежать¹⁰.

В случае, когда «нахрапом» взять укрепление не удавалось, через толмачей предлагали туземцам сдаться миром, если те отказывались, брали его штурмом¹¹. Сохранилось подробное описание штурма казаками Е. Хабарова городка даурского князя Гуйгудара в 1651 г. Пупки, не употребляемые при набегах, были извлечены из судов и укреплены у башен одной части города. Их огонь позволил за ночь разрушить стену. До этого времени большинство бойцов не предпринимали каких-либо активных действий, кроме перестрелки с горожанами, ведущими со стен массированную стрельбу из луков. В пролом пошли наиболее защищенные бойцы – в кукях и со щитами, чем было достигнуто минимальное количество потерь. Скорее всего, это были большие щиты, сделанные на месте специально для преодоления огня врага во время штурма, которые переносились несколькими людьми и могли иметь амбразуры для ружейного огня. Зажав врага во внутреннем городе, казаки давили его непрерывным огнем, не дав опомниться, окружили и перебили в рукопашном бою. Огромные потери даур (661 убитый против 4-х погибших у казаков) могут быть объяснены и паникой, и неумением воевать в сложившихся условиях. Скорее всего, сыграло роль отсутствие боевого опыта по бою внутри города. Можно предположить, что подобные городки были неприступны для народов, стоявших с даурами на одной ступени развития, поэтому если наружную стену даурские

бойцы знали как обороняться, то внутри городка оказались совершенно беспомощны. Сказалось и то, что традиционное обучение воинов этих народностей, воспитывавшее хорошие индивидуальные воинские навыки, давало только примитивные тактические знания, годные лишь для борьбы с себе подобными. Столкнувшись с врагом, который воевал незнакомым оружием и не так, как они привыкли, даурские бойцы гибли из-за постигавшего их ощущения беспомощности. Психология здесь, как нам кажется, сыграла ведущую роль, что подтверждает и то, что малая группа даурских бойцов из 15-ти человек, пойдя от отчаяния на прорыв, была успешна в своих действиях¹². Более того, когда те же дауры воевали в привычных для них условиях, они побеждали, и их не останавливало огнестрельное оружие, исключительно применением которого некоторые авторы объясняют военные успехи русских. Так, в 1646 г. отряд Ю. Петрова из 70-ти служилых и промышленных людей пришел к городку князей Досия и Колды. Русские пренебрегли предписаниями укрепиться засекой или «рубленной вежей» и, оставив треть людей в близ стоящих юртах, открыто подошли к городу. Дауры неожиданно совершили вылазку из своего острожка при поддержке скрывавшегося снаружи конного отряда, ударившего вместе с основными силами. Учитывая перевес противника в живой силе, служилым оставалось только бежать к юртам, где оставалось еще около 20 бойцов, чей огонь, по всей вероятности, и помог отступающим укрыться без больших потерь. Уходили служилые ночью, чтобы не пострадать от прицельной стрельбы из луков. Проигранное столкновение так впечатлило казаков, что они шли полторы недели, не снимая куяков, которые обычно надевали только на время боя¹³.

При встречах с противником на воде русские оказывались в невыгодном положении, т.к. находящиеся в лодках туземцы не только не могли реализовать свое численное преимущество, но и были крайне уязвимы для воздействия огнестрельного оружия¹⁴. Ведя активные боевые действия, казаки старались постоянно передвигаться, не оставаясь на одном месте. Предписаниями «начальных» людей от них требовалось «на поплаве стоять на якорях, с караулом»¹⁵. На ночь суда не вытаскивали на берег. Это позволяло при неожиданном нападении быстро отчалить от берега и уйти. Пренебрежение этими простейшими мерами безопасности оканчивалось трагически. Так погиб отряд из 25-ти казаков во главе

с Ильей Ермолиным¹⁶. Для большей надежности казаки зачастую почевали внутри своих судов, не сходя на берег¹⁷.

Ближе к зиме служилые были вынуждены продолжительное время оставаться на одном месте. Чтобы обезопасить себя, строили укрепленный острожек, в котором можно было спокойно зимовать, запастись провиантом, отдыхать, собираясь с силами для дальнейшего продвижения¹⁸. Постройка укрепления и умение отражать осады выручало при нападении превосходящих сил противника. В 1682 г. Иван Курбатов, идущий с 12-тью бойцами в Ападырьский острожек, «сделав острожек, отсиделился в осаде» против более чем двухсот юкагиров¹⁹. Описание боевых действий у Ачанского острога 8 октября 1651 г. позволяет представить себе следующую картину. Подгадав, когда половина обитателей острога ушли «для корму по рыбу», более 800 дочерских и ачанских воинов неожиданно напали на казачий городок, где находились 106 русских бойцов под руководством Е. Хабарова. Городок был подожжен со всех сторон. Сдержав первый натиск, 70 одетых в куяки казаков выплыли и повязали противнику бой. Оставшиеся в остроге поддерживали их со стен и башен огнем из пицалей, мушкетов и пушек. Через 2 часа сопротивление ачан и дочеров было сломлено, они побежали «врозь» (т.е. неорганизованно), казаки преследовали их и убивали. Потери составили: 1 убитый и 5 раненых у русских и 117 человек у их противников. Возможно, что большинство были убиты во время бегства. Боевой успех казаков может быть объяснен непригодностью их врагов к применяемой ими тактике ведения огня, личной храбростью, инициативностью и боевым опытом, а также и широким применением куяков, служивших отличной защитой от стрел. Несмотря на убедительную победу, русские «накрепко укрепили» городок, чтобы исключить возможность поражения²⁰.

Важной особенностью боевых действий в Приамурье было столкновение служилых с мавчжурами. Богдойские войска широко применяли ручное огнестрельное оружие и пушки, воевали в организованных боевых порядках и применяли все современные им достижения китайской мысли в области военного искусства («драка ученая стройна»)²¹. При отражении осад Ачанского (24 марта 1652) и Комарского острогов (13 марта – 4 апреля 1655) русские использовали тактику, основанную на неожиданных вылазках, во время которых наносился большой урон неприятелю. В Ачанском

острожке казаки (206 человек) оказались застигнутыми врасплох превосходящими силами противника (600 маньчжуров и около 1500 бойцов от коренных жителей Приамурья). Маньчжуры, обстреливая стены городка из ружей и пушек в течение дня, сумели вырубить из стены 3 звена. Следуя приказу начальников брать русских живыми, богдойцы постарались навязать ближний бой. В проломе пошли кошмые маньчжурские бойцы, которых защитники острога встретили огнем из большого медного орудия, поставленного напротив пролома, и ручного огнестрельного оружия и пушек со стен городка. Как только враги «отпятились» от пролома, 156 казаков, не дав им опомниться, вышли из города в кюках и с саблями и в рукопашном бою обратили нападавших в бегство, убив 676 бойцов и захватив их пушки. Потери русских составили 10 человек убитыми и 78 рапеными²². Учтя уязвимость конструкции прежних острожков перед лицом нового противника, русские укрепили Комарский острог по всем правилам. Он был построен на валу, с «бьками» по углам, со стенами, засыпанными внутри «хрящем» (насыпь из земли и камней от артиллерийского огня), имевшими «верхний» и «нижний бой», с «роскатом» для пушек и различными приспособлениями для отражения приступов. Несмотря на ноябрьские морозы, в мерзлой земле был высечен ров, вокруг которого «бит» деревянный и железный «потаешной» чепок (сделанный из острых деревянных кольев и стрел местных жителей). Внутри острога выкопан колодец с проведенными от него ко всем стенам желобами, на стенах поставлены железные «козы» со смольем для освещения ночью. Все эти средства помогли 510 служилым выдержать осаду 10-тыс. богдойского войска в течение 22 дней. Массированный обстрел из 15-ти неприятельских пушек не нанес защитникам острога ощутимого ущерба, а попытка штурма, во время которого нападавшие, используя различные «приступные мудрости», атаковали с четырех сторон, была отбита плотным огнем русских. Сразу же последовала вылазка. Служилые нанесли противнику урон, захватили «языков» и оружие, после чего маньчжуры до своего ухода на приступы уже не решались, ограничившись обстрелом острога из пушек. Потери русских исчислялись одним тяжело раненым во время осады и 20-тью убитыми людьми, захваченными врасплох у стен острога при неожиданном приходе богдойцев²³. На открытом пространстве маньчжуры могли реализовать свое численное преимущество, что при прочих равных давало им реальный шанс на победу.

Передвигавшиеся в 1653 г. по р. Сунгари люди О. Степанова наткнулись на засаду богдойцев. Русские попали под огонь маньчжур, которые на лодках перекрыли им путь. С берега противника поддерживала артиллерия, укрывшаяся под защитой многочисленной кавалерии за «турами» и «валами земляными». Атака на береговые укрепления не имела смысла, т.к. ее результатом могли быть большие потери. Поэтому казаки на легких стругах атаковали суда. Преимущество русских в умении применять огнестрельное оружие было так велико, что они заставили врага бежать с судов под прикрытие на берег. Большую роль в победе сыграл огонь из пушек²⁴. Однако в 1658 г., неожиданно наткнувшись на маньчжурские суда, казаки не смогли реализовать свое превосходство в употреблении огнестрельного оружия, так как богдойский отряд не стал вступать в длительную перестрелку, а решительно атаковал всеми силами отошедшие к берегу корабли русских. Плотный огонь из ружей, пушек и луков заставил казаков бежать на берег и уйти внутрь судов. Бойцы, укрывшиеся в кораблях, плотной стрельбой смогли нанести большой урон противнику, в ответ на что маньчжуры сожгли их «огненными стрелами». Другая часть русских вступила в перестрелку с берега из леса, во время которой почти все они погибли из-за отсутствия какого-либо прикрытия. Потери людей О. Степанова составили около 220 человек убитыми, 10 пленными. Спаслось только 17 бойцов. Противник потерял около 100 человек убитыми и 200 рапеными. Соотношение потерь показывает, что казаки, численно уступавшие противнику почти в 10 раз, более эффективно применяли «огнешный бой», что явилось следствием применения ими ружей с кремневым замком в противовес фитильному оружию их врагов, а также согласованных действий по ведению залпового огня. Глава корейских стрелков, входивших в состав маньчжурского отряда, генерал Син Пю описал суда казаков. Они имели фальшборт из толстых бревен, способных противостоять пушечному огню, и специальные укрепления по всей длине палубы из толстых досок со щитом – заслоном сверху. Возможно, применение подобной усиленной конструкции было результатом схваток с маньчжурскими войсками²⁵.

Закрепившись на территории, служилые посылали в острог, из которого они выходили в поход, людей с отписками, где сообщались результаты деятельности экспедиции, обосновывалась

необходимость помощи людьми и оружием, приводились сведения о потерях. Также отмечались характерные особенности военного дела противника, описывались его доспехи и «бой», т.е. виды употребляемого оружия. Подробно говорилось об укреплениях²⁶. Все эти сведения имели государственную важность, т.к. благодаря им новые отряды первопроходцев уже знали, с кем и с чем им предстоит столкнуться. Путь посланцев по враждебной территории проходил тайно. Какую-то часть пути их охраняло специальное сопровождение, бойцы которого иногда, несмотря на скрытность передвижения, сами инициировали боестолкновения, неожиданно нападая на неукрепленные туземные поселки. Часть пути гонцы шли одни, по ночам, полагаясь только на себя, зачастую они гибли, так и не дойдя до места назначения²⁷.

С постройкой острога и закреплением на определенной территории начиналась планомерная деятельность по обоснованию проживающего на ней коренного населения. В остроге концентрировались людские силы и запасы вооружения, из него можно было неожиданно выдвигаться в походы и так же быстро возвращаться под защиту стен. В сравнении с первым этапом ведения военных действий становится более осмысленным и планомерным, в них пропадает доля сумбура и авантюризма, а наличие базы значительно снизило риски военных предприятий.

Отправляясь в поход, служилые шли практически всем имеющимся составом, обычно оставляя охранять казну, аманатов и острог всего нескольких человек из наименее боеспособных бойцов²⁸. Отряды усиливались за счет охочих людей и служилых, приписанных к соседним воеводствам, с которыми заключался договор «меж себя не драться» — в мирное время они нередко были прямыми конкурентами в борьбе за получение ясака с туземцев²⁹. Численность этих отрядов редко превышала 100 бойцов, в основном ограничиваясь двумя-четырьмя десятками человек, что объясняется не только крайне малым количеством русских в Сибири, но и меньшим объемом боевых задач в сравнении с первым этапом. Часто служилые покупали за свой счет пищали, порох, свинец и лошадей, вооружая себя и охотников, оказываясь у торговых людей «в неокупных» долгах. Они гарантировали им оплату круговой порукой и «крепкими записями». Это объясняется тем, что служилые были заинтересованы в успехе военного предприятия, который мог быть достигнут только при наличии достаточного количества

бойцов, владеющих огнестрельным оружием. Долг же предполагалось покрыть за счет военной добычи³⁰.

Большое значение для успеха похода имело наличие проводников — «вождей». Плохо ориентируясь на местности русским приходилось полагаться на помощь коренных жителей, т.к. любая задержка в переходе была чревата потерей скрытности и утратой инициативы. Проводникам с «пристрасткою» предписывалось вести «прямою, а не обводною дорогою». Чтобы исключить возможность предательства, старались брать проводников из числа враждебных объекту атаки племен. Зимой место нахождения туземцев определяли по санным дорогам, хорошо видимым на снегу³¹.

Большое значение придавалось факторам быстроты передвижения и внезапности нападения. Начальным людям строго наказывалось беречь бойцов и вести боевые действия, избегая неоправданных потерь, «*итоб государевым людям урону не было*»³². В поход выходили, используя максимальные меры предосторожности. Приказами начальников регламентировались до мелочей действия служилых. Им предписывалось: идти с постоянными круглосуточными «сторожами» (караулами) по 5-6 человек, в «*полуверсте и в версте, как можно друг ко другу голос дать*»; по дороге не расходиться, идти всем вместе; соблюдать тишину, не кричать и не стрелять, так же осторожно вести себя во время остановок («*на стану*»)³³. При передвижении по воде караулы шли берегом (в походе 1666 г. из 50 бойцов отряда А. Петриловского в «*яртоуле*» было 15 человек)³⁴. Тайное перемещение было связано с тем, что, узнав о приближении русских, их противники в большинстве случаев предпочитали скрыться, не принимая боя, догнать же врага, отлично ориентирующегося на местности, было практически невозможно. Например, в Прибайкалье служилые, большинство из которых шли в поход пешими, просто физически не могли угнаться за конными бурятами³⁵. Случаи, когда буряты, узнав о нападении, не отходили, а полагаясь на свое численное преимущество, выходили за пределы улуса и атаковали, были очень редки³⁶. В.А. Михайлов пишет о системе предупреждения у бурят, не позволявшей русским в Прибайкалье нанести внезапный удар, однако автор преувеличивает достоинства «братской» воинской организации; достаточно часто встречаются описания моментов, когда русские подходили незаметно и неожиданно, обходя караулы противника стороной³⁷. Система «братских» караулов срабатывала лишь при полной концентрации

их сил, как правило, уже после нескольких удачных нападений русских. В таком случае служилые наносили удар в тех местах, где их не ждали, и опять добивались успеха³⁸. Подойдя к месту расположения противника, предписывалось посылать опытных бойцов с «высмотром» для оценки обстановки. Эти люди убеждались, что для атаки нет препятствий, дожидались основного отряда, и только после этого наносился удар³⁹. Нападали обычно рано утром, стараясь не дать противнику шансов на какое-либо сопротивление. Элемент неожиданности позволял взять в плен наибольшее число людей, за которых получался выкуп и ясак. В описаниях таких боев отсутствуют указания на значительную длительность боя, что говорит о его скоротечности. Потери нападавшей стороны сводились к минимуму. В 1646–1649 гг. в пяти походах на бурятские улусы бойцы Курбата Иванова (от 130 до 170 человек) и Василия Нефедьева (63 служилых и 187 промышленных людей) убили у бурятов более 100 человек. Потери у русских – 1 человек убит и 5 раненых. Если же подвергнувшиеся нападению туземцы успевали укрепиться в своих юртах, потери служилых были больше⁴⁰.

Далее следовала фаза быстрого отхода или построики оборонительного укрепления. Если служилые оставались в захваченном улусе, они использовали юрты и повозки (арбы) для создания «городка», в котором можно было держать круговую оборону, или же отходили в удобное место и делали «засеку»⁴¹. Враг, как правило, концентрировал вокруг этих укреплений превосходящие в несколько раз по численности силы. Оборонялись, традиционно используя неожиданные вылазки, при огневой поддержке бойцов, находящихся внутри оборонительного сооружения. Выходы за пределы укрепления были связаны с необходимостью сокращения дистанции для более эффективного применения огнестрельного оружия. В 1642 г. вылазка бойцов К. Иванова из засеки, которую засыпали стрелами спрятавшиеся за щиты буряты, была так неожиданна и эффективна, что последние не только побросали щиты, но и «с того бою побежали, друг друга не зведали», понеся большие потери. После этого служилые беспрепятственно ушли в свой острог. Обращает на себя внимание личное участие в атаке главы отряда, раненного во время боя в руку⁴². Если уйти не удавалось, служилые могли выдержать достаточно длительную осаду. В 1640 г. русские, отбивая «приступы» бурятских воинов, оборонялись в укрепленном лагере 1,5 месяца, сумев скрыться на плотках по первой

веселшей воде⁴³. Во время отхода служилые несли наибольшие потери. Нагруженные добычей, они шли медленно. Уйти в глухую оборону было также нельзя, т.к. надо было передвигаться к базе. Враг имел кроме численного преимущества (в погоны собиралось иногда более 2000 человек против 150–170 русских) превосходство в мобильности. Также и воинский дух нападавших был на высоте, т.к. они отбивали, кроме имущества, своих родных, уводимых в плен. Поэтому нередко схватки заканчивались более результативно для туземцев, которые, несмотря на большие потери, отбивали добычу у служилых⁴⁴. Так как враги нападали неожиданно («безвестно»), у русских не было возможности строить укрепления, они отбивались от атак («напусков»), используя обозные повозки, и просто в плотном строю. В последнем случае бой мог перетекать в рукопашную схватку с применением холодного оружия, о чем свидетельствуют следующие записи: «*На том напуске, с брацким мужиком бился явственно и того мужика срубил*», «*на темной драке (ночью. Прим. авт.) мужика срубил*»⁴⁵. Применение тактики использования во время боя естественных и искусственных укреплений характерно не только для значительных отрядов служилых, но и для маленьких групп, которые таким образом могли противостоять врагу, значительно превышающему их по численности. Например, два казака, подвергнувшиеся нападению 60-ти калмыков, спешились и, обстреливая врага, «*бились с половины дня до вечера, или отходным боем, а лошадей вели за собою в поводу*», убив у калмыков четырех человек и нескольких рапив. Найдя место, удобное для обороны, «*и дошед до реки, сели в осаде*» «*в крепкое место*», своей позицией заставили нападающих отказаться от атакующих действий, которые просто окружили русских и «*урали караулить*», приковав их к месту⁴⁶.

По итогам боя составлялись послужные списки. В них отмечались заслуги бойцов и их рапы. Основная масса служилых удостоивалась лишь записи «бился явственно», но иногда во время боя один человек убивал нескольких противников: «*Вторко Теленок убил до смерти трех человек Братских мужиков*»⁴⁷. Эта информация собиралась каждым служилым и перечислялась в челобитных при просьбах о повышении жалованья, продвижении по службе, заслуженной отставке.

Подводя итог, можно отметить, что тактика русских первопроходцев на территории Прибайкалья и Приамурья строилась в первую

очередь на неожиданных нападениях, которые являлись следствием максимально быстрого и скрытного передвижения. В случае длительного противодействия с неприятелем, вызванного невозможностью уклониться от боя или потребностью долго находиться на одном месте, использовались временные или долговременные искусственные укрепления, оборону стен которых всегда дополняли неожиданные для врага вылазки. Штурм подобных же сооружений самими казаками производился с использованием всех доступных им средств защиты и нападения, призванных свести потери к минимуму (специальные щиты, куяки, артиллерия). Умение вести слаженный залповый огонь было основой ведения боя, в рукопашный бой вступали только в крайнем случае. В связи с противодействием отрядам мапшчжуров казаки стали применять средства обороны (защитные приспособления в конструкции острогов и судов), позволявшие противостоять хорошо обученному войску, вооруженному артиллерией и ручным огнестрельным оружием.

¹ Зуев А.С. Русская тактика осады и взятия «иноземческих» острожков (Из истории Северо-Востока Сибири XVII–XVIII вв.) // «Мы были». Генерал-фельдцейхмейстер Я.В. Брюс и его эпоха: Материалы Всерос. науч. конф. (12–14 мая 2004 г.) / Воен.-ист. музей артиллерии, инженерных войск и войск связи. СПб., 2004. С. 60–62; Русская тактика ведения боя в полевых сражениях с сибирскими «иноземцами» (по материалам Северо-Востока Сибири) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Ист.-археол. иссл. Владивосток, 2007. Т. 5. Ч. 1. С. 284–295; О боевой тактике и военном менталитете коряков, чукчей и эскимосов // Вестн. НГУ. Серия: История, филология, 2008. Т. 7. Вып. 1: История. С. 35–43.

² Дополнения к актам историческим (далее – ДАИ) 1848. Т. 3. С. 365, 368.

³ Там же. С. 356.

⁴ Там же. С. 361.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 364.

⁷ Там же. С. 359–360.

⁸ Там же. С. 364.

⁹ Там же. С. 334, 359–360.

¹⁰ Там же. С. 361.

¹¹ Там же. С. 360.

¹² Там же. С. 360–361.

¹³ Там же. С. 54.

¹⁴ Там же. 1867. Т. 10. С. 347.

¹⁵ Там же. 1848. Т. 3. С. 356.

¹⁶ Там же. С. 55.

¹⁷ Симбирцева Т.М. Дневник генерала Сия Нью 1658 г. Первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев // Проблемы истории, философии и культуры. 13. 2003. 2. С. 338.

¹⁸ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 364.

¹⁹ Там же. 1867. Т. 10. С. 342.

²⁰ Там же. 1848. Т. 3. С. 364–365.

²¹ Там же. 1851. Т. 4. С. 28, 36.

²² Там же. 1848. Т. 3. С. 365.

²³ Там же. 1851. Т. 4. С. 28–29; Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья в Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 96–97.

²⁴ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 525.

²⁵ Симбирцева Т.М. Указ. соч. С. 336–343; ДАИ. 1851. Т. 4. С. 176–177, 260–261.

²⁶ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 22, 56, 360, 371; 1855. Т. 5. С. 338.

²⁷ Там же. 1848. Т. 3. С. 51, 98, 371; 1869. Т. 11. С. 220.

²⁸ Там же. 1869. Т. 11. С. 156.

²⁹ Там же. 1867. Т. 10. С. 347.

³⁰ Там же. 1869. Т. 11. С. 214; Багрий Е.А. «Охочие люди» на военной государственной службе в Прибайкалье и Забайкалье в XVII веке // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. трудов. Одесса; Омск, 2007. С. 348–351.

³¹ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 25, 365; 1869. Т. 11. С. 132.

³² Там же. 1848. Т. 3. С. 26.

³³ Там же. С. 25–26.

³⁴ Там же. 1855. Т. 5. С. 72.

³⁵ Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Вып. 1 (далее – СДИБ) / Сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. С. 30, 51.

³⁶ Там же. С. 49, 89–90.

³⁷ Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. Улан-Удэ, 1993. С. 54–55; СДИБ. С. 29–30.

³⁸ Там же. С. 51.

³⁹ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 26.

⁴⁰ СДИБ. С. 47, 86, 92, 93; ДАИ. 1848. Т. 3. С. 222.

⁴¹ СДИБ. С. 47, 49, 89–90.

⁴² Там же. С. 47, 88.

⁴³ Там же. С. 86.

⁴⁴ СДИБ. С. 92; ДАИ. 1848. Т. 3. С. 222.

⁴⁵ ДАИ. 1848. Т. 3. С. 30–31.

⁴⁶ Там же. 1867. Т. 10. С. 37.

⁴⁷ Там же. 1848. Т. 3. С. 29, 31, 222.